

МОТИВ СНА В ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ*

Т. Н. АПСИТ**

Аннотация

Сон как развёртывание сюжета был одним из любимых приёмов Н. В. Гоголя в первый период его творчества. Большое внимание, которое Гоголь уделяет этой теме, связано отчасти и с семейными преданиями Гоголей-Яновских, в которых мотив пророческого сна играл важную роль.

В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» сон в том или ином виде встречается во всех произведениях, описания сна мы находим и в большинстве «петербургских повестей». При этом и характер сна, и его мотивы, и сами способы введения описания сна в ткань художественного повествования весьма разнообразны.

Основным содержанием статьи является классификация типов сна (здоровый, хмельной, наркотический) и сновидений (сон-бред, сон-грёза, провидческий сон и т.д.), переживаемых героями «украинских» и «петербургских» повестей в разные моменты жизни.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, романтические повести, сон, петербургские повести.

* 本文 2009 年 10 月 15 日到稿，2009 年 11 月 2 日審查通過。

** Доцент факультета славянских языков Государственного университета Чжэнчжи.

On the Theme of Dreams in Gogol's Works*

T. N. Apsit**

Abstract

In Gogol's early works, "dreams" were one of the techniques he frequently used. Dreams help direct the plot towards a certain development as well as reveal future development. It is generally believed that Gogol's preference of the theme of dreams is likely to be related to his family legend.

Dreams appear in not only *Evenings on a Farm Near Dikanra* but also *Petersburg Tales*. Features of dreams, motives, and a variety of ways leading characters into dreams are seen in the works.

This article mainly explores types of dreams—healthy, drunken, numb—and different categories of dreams—murmuring in dreams, fantasizing in dreams, and foreseeing in dreams, etc.

Keywords: Gogol, romantic novelette , dreams, Petersburg Tales

* Received: October 15, 2009; Accepted: November 2, 2009.

** Associate Professor, Department. of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University.

Исследователи неоднократно отмечали, что мотив сна был одним из наиболее устойчивых в творчестве Н. В. Гоголя, в то же время мы не нашли исследования, специально посвященного этой теме, и потому считаем возможным обратиться к ней в настоящей статье.

Нет ничего удивительного, что наиболее часто мы встречаем мотив сна в ранних, романтических сочинениях писателя, поскольку для романтиков этот мотив был одним из ключевых (1). Но есть ещё одно интересное обстоятельство, возможно, повлиявшее на повышенное внимание Гоголя к этой теме. Дело в том, что сны играли важную роль в семейных преданиях Гоголей-Яновских и в реальной жизни родителей писателя.

Семейная легенда говорит, что Василий Афанасьевич, отец Гоголя, родился слабым и постоянно болел. Родители очень беспокоились о его здоровье и поэтому часто ездили на богомолье. Однажды, когда Василию Афанасьевичу исполнилось тринадцать лет, они поехали с матушкой в Ахтырку «поклониться образу Божьей Матери. Там и заночевали, и во сне ему явилась царица небесная в порфире и короне, она сказала: «Ты будешь одержим многими болезнями, но то все пройдет—ты выздоровеешь, и вот твоя жена». И он увидел у ее ног маленькое дитя» (2). Черты лица этого ребенка врезались ему в память. Вскоре сон забылся, но через год судьба привела Василия Афанасьевича в церковь неподалеку от их усадьбы в местечке Ярески. Там он и встретил свою будущую жену.

Мария Ивановна, мать писателя, пересказывала эту историю со слов своей тетки: «Когда вынесла кормилица дите семи месяцев, он взглянул на него и остановился от удивления: ему представились те самые черты ребенка, которые показали ему во сне... Когда я начала подрастать, то он забавлял меня разными игрушками, даже не скучал, когда играл в куклы, строил домики с карт, и тетка моя

не могла надивиться, как это молодой человек не скучал заниматься с таким дитем по целым дням...»

Через тринадцать лет Василий Афанасьевич вновь увидел пророческий сон в Ахтырском храме: «к нему вышла девица в белом платье с блестящей короной на голове, красоты неописанной, и, показав рукой ему в левую сторону, сказала: «Вот твоя невеста».

Мария Ивановна с удовольствием вспоминала о времени, когда Василий Афанасьевич посватался к ней: «Тогда мне было всего тринадцать лет. Я чувствовала к нему что-то особенное, но оставалась спокойной. Жених мой навещал нас у тетки в местечке Ярески. Он иногда спрашивал, могу ли я терпеть его и не скучаю ли с ним. Я отвечала, что мне с ним приятно, и действительно, он был всегда любезен и внимателен ко мне с самого детства... Когда я ушла, он сказал тетке, что очень желал бы жениться на мне, но сомневается, могу ли я любить его. Она отвечала, что я люблю его, что я доброе дитя и могу быть хорошей женой. Когда мне было четырнадцать лет, нас перевенчали в Яресках; потом муж уехал, а я осталась у тетки, оттого, что еще была слишком молода; потом гостила у родителей, где часто с ним видалась. Но в начале ноября он стал просить отдать ему меня, говоря, что не может более жить без меня. Так вместо году я пробыла у них один месяц. Они благословили меня и отпустили. Он привез меня в деревню Васильевку, где встретили нас отец и мать. Они приняли меня, как родную дочь. Свекровь наряжала меня по своему вкусу и надевала на меня свои старинные вещи. Любовь ко мне мужа была неописанная; я была вполне счастлива. Он был старше меня на тринадцать лет. Я никуда не выезжала, находя все счастье дома».

От этого брака родилось двенадцать детей, из которых выжило лишь пятеро: Николай Васильевич и четыре его сестры.

Как нам представляется, многократно слышанная история о пророческих сновидениях оставила незабываемый след в сознании впечатлительного ребенка, каким рос Николай Васильевич, а позднее отразилась и в его произведениях.

В цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» мы встречаем описания сна во всех произведениях, однако значение сна в каждом случае разное, да и в ткань художественного повествования этот мотив вводится по-разному. Самая первая повесть цикла «Сорочинская ярмарка» начинается описанием полуденного летнего сна природы:

«Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!»
(3)

Описание это, как нетрудно заметить является целиком литературным и трафаретным, однако, когда речь заходит о колоритных гоголевских «козаках» описание сна становится совершенно иным.

Следует отметить, что сон у Гоголя бывает реальный и мнимый. Мнимый сон подразумевает ситуацию притворства, когда герой делает вид, что спит, чтобы избежать неприятных вопросов – этот вариант мы находим в повести «Заколдованное место»:

«Куда тебя, дед, черти дели сегодня?»

– Не спрашивай, – сказал он, завертываясь еще крепче, – не спрашивай, Остап; не то поседеешь! – И захрапел так, что воробьи, которые забрались было на баштан, поподымались с перепугу на воздух. Но где уж там ему спалось! Нечего сказать, хитрая была бестия, дай боже ему царствие небесное! – умел отделаться всегда». (3, 45)

В «Сорочинской ярмарке» Черевик сначала притворяется спящим, чтобы избежать расспросов недовольной жены, а потом даже «пересказывает» ей свой сон:

«Черевик поднялся, протер немного глаза и посмотрел вокруг.

– Враг меня возьми, если мне, голубко, не представилась твоя рожа барабаном, на котором меня заставили выбивать зорю, словно москаля, те самые свиные рожи, от которых, как говорит кум...» (3, 7)

Но гораздо чаще мы встречаем у Гоголя описание реального сна. При этом сон может иметь разный характер, это может быть: а) сон физически здорового человека; б) хмельной сон; в) наркотический сон.

Сон физически здорового человека может лишь упоминаться, как в повести «Ночь перед Рождеством»:

«Вакула вошел в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви». (3, 84)

Полудрёма так же представляет собой неразвёрнутый мотив сна; подобную ситуацию мы встречаем в повести «Вий»:

«Брика остановилась перед небольшим подобием сарая, и путешественники наши отправились спать. Философ хотел, однако же, несколько обсмотреть снаружи панские хоромы; но как он ни пялил свои глаза, ничто не могло означиться в ясном виде: вместо дома представлялся ему медведь; из трубы делался ректор. Философ махнул рукою и пошел спать». (3, 102)

Однако, пожалуй, главной особенностью гипнологии Гоголя являются сложные двойные и даже тройные сны. Так, в повести «Майская ночь или Утопленница» двойной сон – сон во сне – видит Левко.

«Неподвижный пруд подул свежестью на усталого пешехода и заставил его отдохнуть на берегу. (...) Непреодолимый сон быстро стал смыкать ему зеницы; усталые члены готовы были забыться и онеметь; голова клонилась... «Нет, эдак я засну еще здесь!» – говорил он, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась перед ним еще блистательнее. Какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда еще не случалось ему видеть подобного. (...)

С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нем чист и в каком-то ясном величии. (...)

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отражение видел он в пруде, выглянула, внимательно прислушиваясь к песне. (...) Слезы тихо покатались по бледному лицу ее.

– Парубок, – говорила она, и что-то неизъяснимо трогательное слышалось в ее речи. – Парубок, найди мне мою мачеху! (...) Она страшная ведьма».

Левко удаётся выполнить просьбу панночки, и она решает отблагодарить его:

«Я знаю, тебе не золото нужно: ты любишь Ганну; но суровый отец мешает тебе жениться на ней. Он теперь не помешает; возьми, отдай ему эту записку...

Белая ручка протянулась, лицо ее как-то чудно засветилось и засияло... С непостижимым трепетом и томительным биением сердца схватил он записку и... проснулся». (3, 88-89)

Сон растаял, но чудесная записка оказалась вполне реальной и действительно позволила молодым людям пожениться.

Сложный вариант гипнологии мы находим и в «Страшной мести». Здесь описывается несколько снов Катерины, героини повести, которые она сама пересказывает мужу. «Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и беспокойна.

– Муж мой милый, муж дорогой, чудный мне сон снился!

– Какой сон, моя любая пани Катерина?

– Снилось мне, чудно, право, и так живо, будто наяву, – снилось мне, что отец мой есть тот самый урод, которого мы видали у есаула. Но прошу тебя, не верь сну. Таких глупостей не привидится! Будто я стояла перед ним, дрожала вся, боялась, и от каждого слова его стонали мои жилы. Если бы ты слышал, что он говорил...

– Что же он говорил, моя золотая Катерина?

– Говорил: Ты посмотри на меня, Катерина, я хорош! Люди напрасно говорят, что я дурен. Я буду тебе славным мужем. Посмотри, как я поглядываю очами!» Тут навел он на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась». (3, 164)

Данило Бурульбаш успокаивает жену, но вскоре сам становится тайным свидетелем колдовства её отца: с высокого дуба он видит, как колдун вызывает к себе душу Катерины, и слышит их ночной разговор.

Здесь Гоголь использует архаические народные представления о том, что душа во время сна покидает тело спящего человека и живёт своей, отдельной жизнью:

« – Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетела. Мне давно хотелось увидеть мать. Мне вдруг сделалось пятнадцать лет. Я вся стала легка, как птица. Зачем ты меня вызвал?» (3, 165)

Вернувшись домой, Данило будит жену, чтобы поделиться с нею страшными новостями:

« – Как хорошо ты сделал, что разбудил меня! – говорила Катерина, протирая очи шитым рукавом своей сорочки и разглядывая с ног до головы стоявшего перед нею мужа. – Какой страшный сон мне виделся! (...) Мне казалось, что я умираю...

– Какой же сон, уж не этот ли? – И стал Бурульбаш рассказывать жене своей все им виденное.

– Ты как это узнал, мой муж? – спросила, изумившись, Катерина. – Но нет, многое мне неизвестно из того, что ты рассказываешь. Нет, мне не снилось, чтобы отец убил мать мою; ни мертвецов, ничего не виделось мне. Нет, Данило, ты не так рассказываешь. Ах, как страшен отец мой!

– И не диво, что тебе многое не виделось. Ты не знаешь и десятой доли того, что знает душа». И Данило объясняет жене, что, по словам игумена Братского монастыря, «антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека; а душа гуляет по своей воле, когда заснет он, и летает вместе с архангелами около божией светлицы». (3, 166-167)

Данило, таким образом, видел чужой сон, и одновременно являлся свидетелем борьбы чистой души своей жены с колдовскими чарами.

Поверив лживым клятвам отца и выпустив его из темницы, Катерина обрекает на гибель себя и близких; она снова видит во сне отца, и пересказывает этот пророческий сон мужу и свёкру: «Страшен, страшен привиделся он мне во сне! Боже сохрани и вам увидеть его! Сердце мое до сих пор бьется. "Я зарублю твое дитя, Катерина, – кричал он, – если не выйдешь за меня замуж!.." – и, зарыдав, кинулась она к колыбели...». (3,167)

Как мы знаем, колдовские чары оказались сильнее человеческих возможностей, и лишь божественной властью был положен конец злодействам колдуна.

Сон без сновидений, сон-забытьё даётся в наказание герою повести «Вечер накануне Ивана Купалы». Страшная вина Петра состоит в том, что он связывается с

дьяволом и с его помощью находит клад, но, чтобы стать хозяином золота, вынужден совершить жертвоприношение – убить Ивася, семилетнего брата своей любимой Пидорки.

«Выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и, как сноп, повалился на землю. Мертвый сон охватил его.

Два дни и две ночи спал Петро без просыпу. Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была как карман старого скряги, из которого полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышал он, что в ногахбрякнуло. Смотрит: два мешка с золотом. Тут только, будто сквозь сон, вспомнил он, что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу... Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять». (3, 174)

Приобретённое ужасной ценой богатство не сделало героев повести счастливыми: пытаясь вспомнить происхождение мешков с золотом, Пётр превращается в мрачного безумца, и гибнет, когда память, наконец, возвращается к нему. Пидорка становится монахиней и пытается замолить грехи мужа.

Как уже говорилось, сон у Гоголя может быть также вызван неумеренным потреблением спиртного, такую ситуацию мы находим в «Пропавшей грамоте».

«Двор был уставлен весь чумацкими возами; под поветками, в яслях, в сенях, иной свернувшись, другой развернувшись, храпели, как коты. Шинкарь один перед каганцом надрезывал рубцами на палочке, сколько кварт и осьмух высушили чумацкие головы. Дед, спросивши треть ведра на троих, отправился в сарай. Все трое легли рядом. Только не успел он повернуться, как видит, что его земляки спят уже мертвецким сном.

(...) Чтобы чем-нибудь разогнать сон, осмотрел он возы все, проведал коней, закурил люльку, пришел назад и сел опять около своих. Все было тихо, так что,

кажись, ни одна муха не пролетела. Вот и чудится ему, что из-за соседнего воза что-то серое выказывает роги... Тут глаза его начали смыкаться так, что принужден он был ежеминутно протирать кулаком и промывать оставшеюся водкой. Но как скоро немного прояснились они, все пропадало. Наконец, мало погодя, опять показывается из-под воза чудище... Дед вытаращил глаза, сколько мог; но проклятая дремота все туманила перед ним; руки его окостенели; голова скатилась, и крепкий сон схватил его так, что он повалился словно убитый. Долго спал дед, и как припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, тогда только схватился он на ноги». (3, 203)

Как мы видели, в произведениях, составляющих «Вечера на хуторе близ Диканьки», сон обычно соединяет в себе два плана – реалистический и фантастический, причём гоголевская фантастика вырастает из крестьянской мифологии, древних дохристианских представлений о нечистой силе и колдовской магии. Его многочисленные сны не просто романтически прихотливы, а, при всей своей причудливости, словно продолжают реальность (или легенду, как в «Майской ночи»), объясняют, комментируют её. Но уже в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» характер фантастики меняется: сон Ивана Федоровича приобретает отчётливо метафорический смысл:

«Ранее обыкновенного лег он в постель, но, несмотря на все старания, никак не мог заснуть. Наконец желанный сон, этот всеобщий успокоитель, посетил его; но какой сон! еще несвязнее сновидений он никогда на видывал. То снилось ему, что вокруг него все шумит, вертится, а он бежит, бежит, не чувствует под собою ног... вот уже выбивается из сил... Вдруг кто-то хватает его за ухо. "Ай! кто это?" – "Это я, твоя жена!" – с шумом говорил ему какой-то голос. И он вдруг пробуждался. То представлялось ему, что он уже женат, что все в домике их так чудно, так странно: в его комнате стоит вместо одинокой – двойная кровать. На стуле сидит жена. Ему

странно; он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею, и замечает, что у нее гусиное лицо. Нечаянно поворачивается он в сторону и видит другую жену, тоже с гусиным лицом. Поворачивается в другую сторону – стоит третья жена. Назад – еще одна жена. Тут его берет тоска. Он бросился бежать в сад; но в саду жарко. Он снял шляпу, видит: и в шляпе сидит жена. Пот выступил у него на лице. Полез в карман за платком – и в кармане жена; вынул из уха хлопчатую бумагу – и там сидит жена... То вдруг он прыгал на одной ноге, а тетушка, глядя на него, говорила с важным видом: «Да, ты должен прыгать, потому что ты теперь уже женатый человек». Он к ней – но тетушка уже не тетушка, а колокольня.

И чувствует, что его кто-то тащит веревкою на колокольню. «Кто это тащит меня?» – жалобно проговорил Иван Федорович. «Это я, жена твоя, ташу тебя, потому что ты колокол». – «Нет, я не колокол, я Иван Федорович!» – кричал он. «Да, ты колокол», – говорил, проходя мимо, полковник П*** пехотного полка. То вдруг снилось ему, что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя; что он в Могилеве приходит в лавку к купцу. «Какой прикажете материи? – говорит купец. – Вы возьмите жены, это самая модная материя! очень добротная! из нее все теперь шьют себе сюртуки». Купец меряет и режет жену. Иван Федорович берет под мышку, идет к жиду, портному. «Нет, – говорит жид, – это дурная материя! Из нее никто не шьет себе сюртука...» (3, 207)

В страхе и беспамятстве просыпался Иван Федорович. Холодный пот лился с него градом». Очевидно, что Шпоньку мучает страх перед женитьбой, страх перед женой. И хотя этот страх выражен пародийно, само слово «жена» в гоголевском контексте приобретает некоторую нереальность, некий пугающий смысл, ибо оно явно отделяется от конкретной женщины и превращается в понятие, в символ, в угрожающий образ чего-то непонятного и таинственно-постоянного. Жена способна уменьшаться и увеличиваться, то сидеть в кармане Шпоньки (залезть в

карман!), то в его шляпе, она как будто бы и человек, и вместе с тем у нее гусиное лицо (вспомним фразеологизм «глупая гусыня»!), а вот она уже материя, причём шерстяная материя (подобная конкретность – отличительная черта гоголевской фантастики), которой торгуют в лавках и которую можно резать и отмеривать. Но в то же время эта жена говорит со Шпонькою мужским голосом, голосом командира П пехотного полка. И еще жены много, она всюду, она везде, куда ни глянешь. В ужасе бежит от нее несчастный Иван Федорович, но она тащит его на веревке на колокольню, и эта веревка очень напоминает петлю.

Мы видим, что в «Вечерах на хуторе», Гоголь приветствует любовь и женитьбу, а в новой повести остерегается их. Это совершенно иной взгляд на идею семьи: прежде человек был один (и единствен), сейчас он должен всем делиться с женою, он не только должен быть с нею везде вдвоем, он и душу свою обязан разрезать пополам, как ту шерстяную материю. Ибо жена не только к нему в карман успела влезть, спрятаться в хлопчатой бумаге и окружить его со всех сторон извне, она и там, внутри, уже делит его надвое, а это страшнее всего. Так Гоголь развивает бессмысленность идеи, заключенную в самом акте брака, соединения навечно двух людей (и это после «Старосветских помещиков» – любимого своего сочинения!).

Ещё более сложный вариант гипнологии дают «Петербургские повести», в которых исчезает тот фантастический план, на различных взаимоотношениях которого с реалистическим планом были построены «украинские повести» Гоголя.

Такова повесть «Невский проспект», в которой мы сталкиваемся с двумя типами сна – обычным и наркотическим. Здесь действие постепенно, незаметно для читателя, переходит из пространства реальных событий в сон героя, который резко обрывается, возвращая нас к действительности. Молодой художник Пискарев, очарованный прекрасной незнакомкой, боясь заговорить с ней, шел за девушкой до самого дома и к своему изумлению получил приглашение войти. Он был потрясен

увиденным: «... голые стены и окна без занавес не показывали никакого присутствия заботливой хозяйки; изношенные лица этих жалких созданий, из которых одна села почти пред его носом и так же спокойно его рассматривала, как пятно на чужом платье, – все это его уверило, что он зашел в тот отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною образованностью и страшным многолюдством столицы». (3,228)

Убежав из этого дома, молодой человек вернулся к себе. «Проникнутый разрывающею жалостью», он не мог уснуть, как вдруг в комнату вошел лакей в богатой ливрее и сказал, что барыня, у которой он изволил быть за несколько часов перед сим, приказала просить к себе и прислала за ним карету. Герой был в недоумении: «Собственный дом, карета, лакей в богатой ливрее... – все это он никак не мог согласить с комнатою в четвертом этаже, пыльными окнами и расстроенным фортепианом». (3,228) Еще больше его поразили богатство и пышность убранства дома и почтенность гостей на балу. Но как раз в тот момент, когда прекрасная незнакомка собиралась объяснить молодому человеку странность обстоятельств их знакомства, подошел какой-то пожилой человек и увел ее. Пискарев не выдержав бросился ее искать и ... проснулся.

Он страстно желает продолжения сна, и с этого момента жизнь во сне для него становится дороже жизни наяву. Наяву он как бы спит, но во сне оживает. Узнаёт об опиуме, берёт его, обещает написать за это картину. Приходит домой, употребляет опиум и засыпает. Видит её у окна деревенского дома. Просыпается и думает: «Лучше бы тебя вовсе не было...». Регулярно принимает опиум. С этого времени живёт в постоянном сне, где она его жена, у них дети. Он решает жениться на ней, и тем самым спасти её от власти «дна». Нашёл тот дом, и сделал ей предложение: «Я буду работать, ты – заниматься рукоделием». (3,230) Она ему отвечает, что она не

может работать, что желает роскоши. Он убегает и дома бритвой режет себе горло (но по лицу видно, что мучился от неверного пореза).

Не менее сложна гипнология «Портрета».

Бедный художник Чертков за двугривенный покупает в лавке портрет старика в массивной раме, и с этого дня в его жизнь входит некая тайна, исходящая от портрета. По ночам он не может уснуть, чувствуя на себе пронзительный взгляд старика с картины. Однажды он даже закутал портрет в простыню, но и после этого не избавился от неприятного ощущения.

«Сиянье месяца усиливало белизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвечивать сквозь холстину. Со страхом вперил он пристальнее глаза, как бы желая увериться, что это вздор. Но наконец уже в самом деле... он видит, видит ясно: простыни уже нет... портрет открыт весь и глядит мимо всего, что ни есть вокруг, прямо в него, глядит просто к нему вовнутрь... У него захолонуло сердце. И видит: старик пошевелился и вдруг уперся в рамку обеими руками. Наконец приподнялся на руках и, высунув обе ноги, выпрыгнул из рам... Сквозь щелку ширм видны были уже одни только пустые рамы. По комнате раздался стук шагов, который, наконец, становился ближе и ближе к ширмам. Сердце стало сильнее колотиться у бедного художника (...) Старик сел почти у самых ног его и вслед за тем что-то вытащил из-под складок своего широкого платья. Это был мешок. Старик развязал его и, схвативши за два конца, встряхнул: с глухим звуком упали на пол тяжелые свертки в виде длинных столбиков; каждый был завернут в синюю бумагу, и на каждом было выставлено: «1000 червонных». (3, 232)

Чертков похищает один из «столбиков» и просыпается. Но на самом деле он видит продолжение сна (сон во сне). Проснувшись окончательно, художник мечтает о деньгах, которые так явственно ощущал в своих руках, но в реальности у него нет

возможности даже заплатить за квартиру. Пришедший с квартальным надзирателем хозяин жилища требует, чтобы Чертков освободил комнату. Квартальный начинает рассматривать картины и случайно ломает массивную раму, в которую был заключен портрет старика. При этом из тайника в раме действительно падают на пол деньги.

Чертков получил полную возможность совершенствовать своё мастерство в течение нескольких лет и сделаться настоящим мастером, но вместо этого он разменял свой дар, стараясь угодить желаниям публики. Чертков сделался богатым модным художником, но однажды увидел подлинный шедевр, над которым художник работал много лет, и понял, что растратил себя попусту. Чертков сходит с ума, принимается покупать замечательные картины и уничтожать их, сходит с ума и умирает.

Заключение

Исследователи творчества Гоголя отмечали, что сон как средство развертывания сюжета был излюбленным приемом писателя в первый период его творчества. Мы встречаем в его повестях сны мнимые и подлинные, прочем подлинные сны могут быть снами здоровых людей, хмельных людей и даже представлять собой опиумные сновидения.

В ранних повестях сон вводился в ткань произведения так, что сновидения первоначально воспринимались читателем как реальные факты, и лишь когда у читателя возникало ожидание близкого конца, автор неожиданно возвращал героя от сна к действительности. Так Левко получает от панночки вполне реальную записку, помогающую ему жениться, так Катерина после ужасного сна теряет любимого сына. Позднее фантастика гоголевского сновидения меняет свой характер,

и ночной кошмар Шпоньки с бесчисленными женами делается необходим писателю для построения реалистического гротеска. Такая попытка создать сдвиг данности (и совмещение реальности и вымысла) при помощи сна – ход наиболее доступный: ведь искажение данности в сознании спящего есть самое обычное явление. Все, что пишется Гоголем в промежутке 1833-1835 годов, представляет собой утверждение двойственности, контрастности человеческой природы и природы вообще, трагическое воспроизведение разрыва между «мечтой» и «существенностью» и идеальную попытку воссоединить их. Воссоединение это, как считал Гоголь, возможно лишь в искусстве, и поэтому большинство его размышлений этого времени отданы искусству и его назначению в жизни человека: этому же посвящены повести «Невский проспект» и «Портрет», гипнология которых очень сложна и лишена романтической фантастики.

Литература

1. Виноградов В. В.. *Романтический натурализм. Жюль Жанен и Гоголь* // Виноградов В. В.. *Поэтика русской литературы. Избранные труды.*—М., 1976.—С. 76-100.
2. Вересаев В. В.. *Гоголь в жизни* / Систематический свод подлинных свидетельств современников. Т.1— Л., 1961, с.36.
3. *Гоголь Н. В. Повести. Драматические произведения.*—Л.: Худож. лит., 1983, с.5.
Все произведения Гоголя цитируются по этому изданию, в скобках указан номер страницы.